

С.В. ЛУРЬЕ

В поисках новых форм самоидентификации русского городского населения: методология *Grounded theory* в практическом исследовании

Статья 3. Пассивное дружелюбие

В статье продолжается изучение способов применения избирательного кодирования по методологии обоснованной теории (*Grounded theory*) как формы качественного исследования в социологии, начатое в статьях первой и второй (“ОНС”, 2012, № 1; 2014, № 1). Методология применяется к изучению представлений молодежи Санкт-Петербурга о межнациональных и внешнеполитических отношениях. Рассматриваются категории, действия и процессы, определяющие эти представления, прежде всего категория “пассивное дружелюбие”.

Ключевые слова: межнациональные отношения, международные отношения, обоснованная теория, категории, действия, процессы.

In article studying of methods of application of selective coding on methodology of the Grounded theory as forms of high-quality research in the sociology, begun in previous articles (“ONS”, 2012, № 1; 2014, № 1) proceeds. The methodology is applied to studying of representations of youth of St. Petersburg about the international and foreign policy relations. Categories, actions and the processes defining these representations, first of all the category “passive friendliness” are considered.

Keywords: ethnic relations, international relations, Grounded theory, categories, actions, processes.

Центральная категория и ее субкатегории

В качестве центральной категории я выделю “**пассивное дружелюбие**”. Дружелюбие России представлено на рисунке 1.

О желании поддерживать союзнические отношения со странами мира и с Европой в частности, я уже говорила, так же как о готовности помогать странам СНГ [Лурье, 2014]. 87 респондентов из 100 заявили, что испытывают дружеские чувства к народам России. Приведу некоторые примеры: “*В большинстве случаев, между народами именно теплота и взаимное дружелюбие и присутствуют. Думаю, что это происходит, в первую очередь, от взаимоприятия культур друг друга, а во вторую – обуславливается человеколюбием русских*”. “*Да они и так дружелюбны друг к другу. Обычные люди*”. “*Конечно. Я думаю, что основная масса людей относится друг к другу дружелюбно независимо от национальности*”.

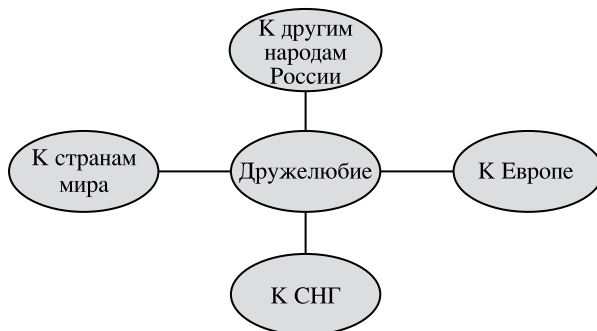

Рис. 1. Дружелюбие России.

Рис. 2. Пассивность России в формировании внешних и внутренних отношений.

Таким образом, в подкатегории **“дружелюбие по отношению к народам России”** намечается процесс развития категории **“дружба народов”**. Однако он движется медленно (или стоит на месте, оставаясь благим пожеланием) в результате пассивности русских (см. рис. 2).

Прежде всего следует отметить нежелание русских формировать новые модели межнациональных отношений внутри России. За их развитие высказались только семь респондентов. Вот некоторые примеры: *«Почему не вырабатываются? Вырабатываются. Концепция “россиян”, например, ничем не хуже советской концепции “новой исторической общности”, “неоевразийская” каша в головах некоторых российских политиков и чиновников ничем не хуже советской дружбы народов. Чеченский батальон “Восток” в составе российских войск во время оккупации грузинской территории в ходе российско-грузинской войны 2008 г. встречался российской телеаудиторией “на ура”. Победу татарстанского “Рубина” на каком-нибудь матче в Европе готовы праздновать и в Волгограде». “Почему не вырабатываются? Как раз вырабатываются. Вопрос в иерархии. Как только договорятся об этом, отношения станут вполне доброжелательными”. “Дык вырабатываются, но плохо и медленно, ввиду отсутствия у нас пока государства и порядка”.*

Большинство же опрошенных полагают, что новые модели межнациональных отношений не вырабатываются: *«Кем не вырабатываются? Кто обязан их вырабатывать? Зачем мне, к примеру, “отношения” с упырями вроде чеченцев или таджиков?»*. *«Недостаточно некоторых частей человеческой культуры – взаимного знания, интереса, высоко неудовлетворенность и потребность найти виноватого, удовлетворяемая ксенофобией. И к сожалению, нет политической воли для этого процесса, а вот “разделяй и властвуй” помнят. “Потому что русские не умеют жить с самими собой и, тем более, не готовы уважать других”. “Потому что на это влияют СМИ. А СМИ в России опаснее водки и гораздо вреднее”. “Русский народ деморализован и потерял смысл существования”. “А кто их будет вырабатывать? В России нет современной идеи, объединяющей ее граждан; все, что было, сейчас замещено на культ потребления”*.

Получается, что в подкатегории, где следовало бы говорить о процессе, динамики-то и нет. Наблюдается полная пассивность русских.

По отношению к странам СНГ пассивность России выражается в отказе от имперского строительства. За империю выступают только 35 респондентов. Приведу несколько высказываний. Сначала – за империю: *“Разбудить самосознание, заложить в основу государственности национальную идеологию и объединить вокруг себя исторические народы-спутники и других желающих”*. *“Надо захотеть, выработать план, стратегию и идти в этом направлении. Развивать Россию, чтобы она была сильной, население росло, уровень жизни повышался. Тогда другие народы сами захотят присоединиться”*. *«Когда приезжаешь в Киргизию, то видишь, что местное население вполне благополучно. Оно спустилось с гор в долины и заняло освободившиеся квартиры и мазанки, детки чистенькие, учат английский, немецкий, французский и компьютерную грамотность. Но я там слышал слова сожаления... “Когда мы были большой страной, мы летали в космос” (реальные слова)»*. *“Да, конечно. Это означало бы, что мы на верном пути. Раз у нас хватит энергии на империю, значит Христос среди нас”*. *“Да, вечных поражений не бывает”*.

Есть и противоположные точки зрения: *“Нынешняя Россия – это слабый больной незаконнорожденный ребенок СССР, который занимает чужую кровать. Прогнать его и возродить Российскую империю – вот, вроде бы, благородная задача для будущих русских поколений. Все в руках Божьих, но пока верить в реальность такого развития событий нет ни малейших оснований”*. *“Что для этого нужно сделать? Сформировать такую ситуацию, когда у народов не будет другого выхода, но это слишком жестко и не нужно, нужно заинтересовать, не чисто безопасностью, а искать привлекательные моменты. Россия этого не умеет и учиться не собирается. Россия не умеет вырабатывать собственную позицию в других странах (все умеют, а она нет)”*. *“Я думаю, что миссия каждого народа – это развиваться на земле, отведенной ему Богом, а не пытаться хватать территории, которыми, со временем, в случае ослабления центра (как это произошло с СССР) можно будет подавиться. Задайтесь вопросом: а стоит ли России ценой миллионов жизней присоединять к себе территории, которые спустя век, а то и полвека, отпадут как инородные тела? Дай-то Бог России суметь сохранить (я уже не говорю развить) свои нынешние территории”*. *“Возможно, народы и захотят, только зачем надо это русским?”*. *“Это невозможно. Некому восстанавливать, то, что было уничтожено – национальное самосознание православной Руси. Нет субстрата”*.

Таким образом, вместо процесса, выражаемого категорией **“собираание народов”**, мы сталкиваемся не более чем с благими пожеланиями, а чаще – с прямым отказом что-то предпринимать в этом направлении.

В плане взаимоотношений между народами пассивность выражается в отказе от лидерства. За главенствующую роль России выступают только 26 опрошенных. *“Даже непонятно, какое лидерство в условиях ссудного финанса, когда центр эмиссии не в РФ-ии... Чтобы погибнуть ?!”*. *“Я хотел бы России, в которой не дохнет, а процветает народ. До лидерства в мире мне дела нет”*. *“Лучше оставит на другой период исто-*

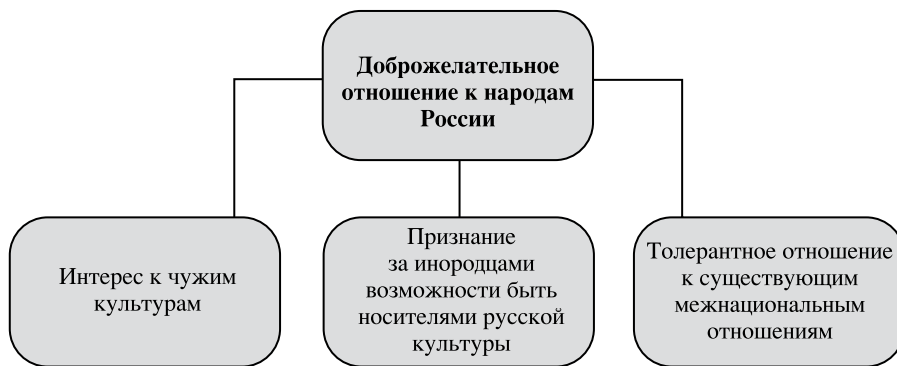

Рис. 3. Доброжелательное отношение к народам России.

рического развития России”. “Боже упаси! Это самое несвободное положение, при котором население – почти зомби”.

Вот несколько противоположных точек зрения: “Полного лидерства – нет, надорвемся. А вот одним из лидеров надо стать обязательно, иначе выйдем”. “Лидерство России в мире представляется опасным и, в принципе, реальным, ибо все, как известно, течет, и направление этого течения не всегда удастся предугадать. Россия – огромная страна, и предпосылки имеются”. “Смотря в чем быть России лидером и какую ношу при этом придется нести. Главное, чтобы лидерство не стало самоцелью”.

Но и таких ответов, как уже упоминалось, меньшинство. Большинство же опрошенных предпочитают пассивность на политической арене, то есть вместо динамического процесса, выражаемого подкатегорией “**стремление к лидерству в мире**”, наблюдается застой. О скептическом отношении к совместным с Европой планам уже говорилось.

Возвращаясь к теме доброжелательности, посмотрим, в чем выражается это чувство у русских по отношению к другим народам России (см. рис. 3).

Интерес к чужим культурам выражают 86 респондентов: “Да, поскольку позволяет легче выстроить отношения и найти общий язык. Интереснее ли с ним общаться? Да, поскольку есть, как минимум, одна общая тема”. “Конечно. Мне интересны иные. Это расширяет кругозор и культуру”. “Безусловно, да. Особенно если человек является источником не негативной, а позитивной культуры”. “Да, располагает. Очень люблю неповторимость и своеобразие различных национальных культур. Когда служил в армии (при СССР), очень любил расспрашивать представителей разных национальностей об их культуре, быте и традициях. Это на самом деле очень интересно”. “Да, я очень ценю в человеке знание родной культуры. Терпеть не могу манкуртов любой национальности”.

Несколько противоположных ответов: “У людоедов тоже есть культура поедания людей”. “Это малозначимо”. “Нисколько не интересней”. “Насильно ни мил, ни интересен не будешь”.

Мы видим, как в подкатегории “**интерес к чужой культуре**” раскрывается категория “**доброжелательность**”, причем не только как феномен, но и как процесс – процесс познания. Это может рассматриваться как процесс возвращения к категории “**дружба народов**”. Причем, отмечу еще раз, эта подкатегория охватывает почти всех опрошенных.

Теперь посмотрим, в какой степени представители национальных меньшинств России способны воспринимать русскую культуру? 36 опрошенных считают, что это вполне возможно: “Да, зачастую те, кто ее изучал как нечто внешнее, был куда лучшим ее носителем – как и всякий неофит, обладал большим энтузиазмом, ценил

то, что казалось очевидным и оттого неинтересным урожденному носителю”. “Безусловно. Особенно в большой степени это относится к немцам. Замечательный русский поэт Афанасий Фет был наполовину немцем, как и Иван Ильин – выдающийся русский философ. Айвазовский был армянином и художником русской школы живописи. Носителями русской культуры могли быть даже иностранцы, а не только инородцы. Француз Франц Рубо прямо называл себя русским художником”. “Могли, и таких примеров масса. Причем, не только носителей, но и таких, которые вывели ее на новый качественный уровень. К примеру, мой земляк Фазиль Искандер – живой классик русской культуры, который прямо и говорит, что чувствует себя именно человеком русской культуры”. “Инородцы не просто могли быть носителями русской культуры, но они ими и становились, и чем дольше входили в состав Империи, тем больше и глубже проникала русская культура. При этом, самостоятельная культура никогда не уничтожалась и поддерживалась. В основном это были просвещенные слои населения, а далее, через них, русская культура перенималась более низкими слоями”. «Инородцы легко могут быть активными носителями православия и русской культуры. Более того, прозелиты зачастую бывают более пассионарны. Поэтому возможны “кавказские”, “татарские” и прочие лица русской национальности».

Высказывались и противоположные точки зрения: “Инородцы носителями русской культуры быть не могут. Известные в своей среде еврейские писатели, пишущие по-русски, и лица, мелькающие по ТВ как эксперты по русским вопросам, никакого отношения к русской культуре не имеют”. “Нет, инородцы не могли быть носителями русской культуры”.

Подкатегория **“признание за инородцами возможности быть носителями русской культуры”** также наполняет содержанием категорию **“доброжелательность к народам России”**, что может рассматриваться как процесс – принятие русскими в свои ряды “чужих”, а также как процесс возвращения к категории **“дружба народов”**. О дружелюбии к представителям национальных меньшинств при непосредственном соприкосновении с ними говорилось выше. Ее тоже можно отнести к процессу возвращения к категории “дружба народов”.

Одновременно следует выделить пассивность русских по отношению к народам России (см. рис. 4). Русские отрицают наличие общей миссии с народами России в прошлом и настоящем: “У народов империи миссии никакой не было”. “Жизнь народа текла своим чередом, а власть как и СССР (якобы строившей коммунизм), так и в нынешней России действовала в режиме реагирования”. “У народов СССР не было общей миссии”. “Миссия всех народов, в разное время входивших в состав Российской империи (как досоветской, так и советской), – исключительно подчиненная”.

Таким образом, в данном фрагменте исследования видно отрицание процесса возвращения к категории **“дружба народов”**. **“Отрицание миссии совместной с народами России”** представляет собой подкатеорию категории **“пассивность к народам России”**, так как фактически исключает общее действие, возможность совместного процесса, как позитивного, так и негативного.

Исследование показывает, что все больше русских сомневаются в **“дружбе народов”**: «“Дружбы народов” не было. Была пропаганда имени своего памятника и нормальные человеческие отношения. Другие народы реагировали адекватно пропаганде. “Москва для всех, а Ташкент – для узбеков!” была очень для них выгодной. Доказательства – резкое падение уровня жизни азиатских республик после прекращения дотирования за счет русского бюджета. Русским такая “Дружба” была не нужна. Создавалась видимость дружбы. Ее не было». «“Дружба народов” в СССР заключалась в эксплуатации русских в угоду развития других народностей, за счет русских ресурсов. Русским такая “дружба” была не нужна, она была нужна тем, кто пытался создать из русских “советский народ”». «Вот как раз именно “дружбы народов” не было и быть не могло. Была дружба между совками “такого-то происхождения”, что обычно и подразумевалось под “дружбой народов”, и была дружба между отдельными представителями отдельных народов».

Рис. 4. Пассивность по отношению к народам России.

Об отсутствии стремления к формированию более адекватных моделей межнациональных отношений уже говорилось. Подкатегория **“отсутствие стремления формировать более адекватные модели”** сама отражает настроение пассивности и не способствует процессу возвращения к категории **“дружба народов”**.

Обычно вся вина за отсутствие динамики в национальных отношениях снимается с народа и перекладывается на власти (так считают 61 опрошенный): *“Изменения возможны только в случае высокой культуры (в ее гуманитарном смысле) власть предержащих”*. *“Я полагаю, что здесь вообще мало что зависит от русских и инородцев, но все зависит от политических элит”*. *“Потому что государственность разрушена и, в принципе, управляющему аппарату глубоко плевать, что там внизу происходит”*. *«Думаю, что никакого особого поведения на уровне народа не требуется – только на уровне власти, чтобы она перестала мешать. То же самое: при отсутствии тотальной коррупции все встанет на свои места более-менее “само собой”»*. *«Потому что в глобальной модели, принятой нашей элитой, “человек человеку волк”»*. *“Потому что властям это не надо. Они все озабочены получением прибыли с подвластных территорий”*. *“Изменения возможны при условии устранения чудовищной коррупции в органах власти и в системе правоохранения”*. *“Вероятно, определенным слоям власти это не интересно. Ведь именно власть и средства массовой информации умышленно создают проблему межнационального конфликта”*. *“Пока предатели имеют вес в системе управления, говорить о доброжелательности отношений между русскими и другими народами, проживающими в России, преждевременно”*. *«Ксенофобские настроения растут от социальной несправедливости, от “правового беспредела”, а также подстегиваются СМИ, раскрашивающими преступность в этнические цвета»*.

Таким образом, в подкатегории **“перекладывание всей вины на власти”** речь также идет не о процессе, а о застывшем феномене, являющемся подкатегорией категории **“пассивность к народам России”**, хотя простых людей в этом обвинять трудно.

Что касается доброжелательности русских к народам СНГ (см. рис. 5), то о готовности во взаимоподдержке и военной помощи уже говорилось [Лурье, 2014]. Это потенциально динамичный процесс, ведущий, в свою очередь, к возрождению категории **“дружба народов”**. Отмечу неприятие насилия по отношению к народам СНГ. Вопрос состоял в том, каким образом отделившиеся республики могут быть приняты в состав нового имперского государства? За добровольное присоединение выступают

Рис. 5. Доброжелательность по отношению к народам СНГ.

Рис. 6. Доброжелательность по отношению к народам мира.

77 человек, за насильственное – только 2: “Просто они должны побыть на чужбине и вспомнить, что у отца их даже рабы не голодают, а они делят пищу со свиньями. Что тут могут сделать русские? Работать над улучшением ситуации в своей стране и ждать”. “Для этого должно в первую очередь что-то измениться в нас”. “Оптимально – найти новую миссию для страны, с которой была бы согласна большая часть тех, кто в ней живет”. “На 90% это зависит от русских. Они должны найти себя”. “Скорее всего, так и произойдет – энергию любят все. Дело за малым – за реальной (не лживо провозглашенной) империей. Что для этого должно в них измениться? Настроение. Оно само изменится. Нахлебаются нищеты. Увидят прежних русских. И потянутся. Что тут могут сделать русские? Стать русскими не по названию, а по внутреннему содержанию”. «Нужно прекратить разрушать себя и начать строить. Вернуть осмеянные и затоптанные “столпы” нашего общества – Совесть, Честь, Самопожертвование, Отвагу. И все вокруг потянутся назад».

Выделю два противоположных ответа: “Оптимально было бы в ожидании возможного нового имперского рывка в РФ и, исходя из утилитарных, сиюминутных интересов РФ, сохранить союз со странами, где распространен русский язык и существуют крупные русские общины – Беларусью, Украиной, Казахстаном. Особой пользы от этого союза не будет, но при новом рывке к имперскому строительству придется преодолевать меньше препятствий для преодоления в будущем политической раздробленности российского геополитического пространства”. “Возможно ли это? Что для этого нужно сделать? В принципе – возможно, нужно – завоевать”.

И последняя категория – **доброжелательность к народам мира** (см. рис. 6). Все подкатегории этой категории уже рассматривались. И все эти подкатегории пассивны, поскольку слабо выражена подкатегория **“стремление к лидерству в мире”**.

Центральная категория – “пассивная доброжелательность”

Итак, в результате анализа высказываний респондентов в качестве центрального феномена я выделила категорию “пассивная доброжелательность”. Было бы правильнее обойтись в наименовании феномена одним словом, но пока у меня это не получилось. Однако тут два слова взаимосвязаны. Будь доброжелательность русских на мировой арене не пассивной, а активной, она выразилась бы в стремлении к лидерству и, в конце концов, могла и перестать быть просто эмоциональным отношением, а перешла бы в область действий. То же и в межнациональных связях: будь доброжелательность активной, она могла бы свестись к активной борьбе за построение империи и тоже превратиться в свою противоположность. Равно и в отношении к народам России, в непосредственном контакте с ними, она могла бы предстать в качестве активного навязывания моделей поведения и тоже перестать быть доброжелательностью.

Постараюсь прояснить, что такое “пассивная доброжелательность”. Я понимаю ее как стремление к тому, чтобы ничего вокруг не менялось. *“Интерес к чужим культурам”*, *“признание за инородцами возможности быть носителями русской культуры”*, *“толерантное отношение к существующим межнациональным отношениям”* – это все подкатегории, которые составляют категорию “доброжелательность к народам России”. Фактически, будучи представлениями о предмете (а я изучаю именно представления), они означают благие пожелания. Особенно это касается подкатегории “толерантное отношение к существующим межнациональным отношениям”, поскольку в реальности они далеко не благополучны. И когда я говорила о категории “доброжелательность к другим народам России”, можно было наиболее явно увидеть диссонанс между представлениями и реальностью. Иные представления побуждали бы респондентов желать что-то делать, а им этого совсем не хочется. Легче все свалить на бездарность или даже предательство властей, что большинство респондентов и делают. Отсюда отказ и от формирования моделей межэтнических отношений, и от имперского строительства, которое сейчас могло бы выражаться в обретении большего влияния на унастроения жителей республик СНГ. Отсюда и выделенные категории: *“отрицание совместной с другими народами миссии”*, *“сомнения в возможности дружбы народов”*, *“отсутствие стремления формировать более адекватные модели”*, *“перекладывание всей вины на власти”*.

То же самое просматривается и по отношению к международным отношениям. Категория “доброжелательность к народам мира” распадается на три подкатегории: *“желание союзничать со всеми странами”*, *“желание союзничать с Европой”*, *“желание союзничать с США”*. Это опять же благие пожелания, которые не обязательно требуют действия. При более внимательном рассмотрении категорий *“влияние Европы на Россию”*, *“соотношение миссий России и Европы”*, *“что мы можем делать вместе с Европой”*, а еще более – категорий, касающихся Америки, – *“влияние Америки на Россию”*, *“соотношение миссий США и России”*, наблюдается далеко не столь радужная картина. Однако, если последние выдвинутся на передний план, то они будут подталкивать респондентов к действию, чего им опять же не хочется. Отсюда – *“отказ от лидерства в мире”*, признание себя не способными к нему и отказ от совместных планов с Европой.

Таким образом, каузальные условия можно определить категорией *“отрицание миссии”*, стратегию – как выжидательную, а контекст – как разочарование в политике государства. Отсюда и представление, что такие категории, как *“миссия России”*, *“дружба народов”*, *“миссия Европы”* (это то, что рассмотрено выше), представляются исчезающими.

Здесь важно сопоставить ряд подкатегорий, чтобы выявить их соотношения и прояснить действия одних и ответные действия других (“действие–противодействие”). Почти все они (за исключением американской линии) демонстрируют нам ту же доброжелательность, сопряженную с пассивностью. Подкатегории *“поведение русских”* и *“поведение представителей национальных меньшинств”* при непосредственном

контакте практически совпадают друг с другом. Здесь в представлении респондентов превалирует доброжелательность. Но ведь в жизни это далеко не всегда так. “Действие–взаимодействие”, вычисленное по ментальной схеме, казалось бы, противоречит реальности. Это естественно, поскольку в противном случае, при других представлениях респондентов, от них бы потребовался более активный образ собственного действия и менее благодушный образ взаимодействия–противодействия. В то же время существующее положение вещей может благоприятно сказываться на реальности. Выделенные категории проецируются на жизнь и, возможно, постепенно будут делать ее более доброжелательной. В этом и состоит динамика, которая описывается парой “действие–противодействие”.

Теперь рассмотрим пару **“оказывать помощь республикам”–“ожидать от них ответного действия”**. Здесь действие одновременно и доброжелательно, и активно. Последнее, по-видимому, объясняется представлением о малой вероятности того обстоятельства, что вооруженную помощь, возможно, придется-таки кому-либо оказывать в совокупности с рудиментами категории **“дружба народов”**. Однако следует подчеркнуть, что противодействие – ответная реакция – рассматривается большинством респондентов как пассивное. Речь не идет о будущем союзнничестве (в редких случаях – только о политической выгоде), в большинстве случаев респонденты расходятся в точке зрения, стоит ли вообще ожидать благодарности. За исключением тех вышеупомянутых ответов, в которых речь идет о достижении политической выгоды, нельзя говорить, что пара “действие–противодействие” представляет собой процесс.

Во внешнеполитической сфере дела обстоят несколько иначе. Пара **“готовность к союзнничеству с другими странами”** и **“ожидание союзнничества от других стран”** выражает и доброжелательность, и известную (пусть минимальную) активность. Здесь очевидно можно говорить о процессе, захватывающем весь мир. Однако, если сравнить его с предыдущими категориями, то восприятие этого процесса у моих респондентов несколько умозрительно. Ведь в очевидной ситуации оказания помощи, в том числе и военной, речь должна была бы сводиться к заключению и упрочению союзнических отношений, но именно это в вышеприведенном пункте и отсутствует. Поэтому, говоря о данной диспозиции как о несомненном выражении процесса, подчеркну, что это скорее ментальный процесс, выражение желания респондентов.

“Отношение к Европе”–“влияние Европы на Россию” – безусловно, активный процесс, в котором выражена и доброжелательность, и желание активного действия, особенно в подкатегории **“что мы можем делать вместе”**. Однако активность в данном случае ограничена, ее можно назвать “пассивной активностью”, поскольку она никак не связана с претензиями на лидерство и выражается в большинстве случаев в приспособливании к европейским парадигмам.

Как показывает диспозиция “действие–противодействие”, **“отношение России к США– отношение США к России”** тоже воспринимаются в динамике, но процесс этот другого рода. Он описывается многими респондентами как противостояние – однако тоже не активное, а пассивное: речь идет, скорее, о сопротивлении натиску Америки. Контуры союзнничества с ней, там, где они появляются, даны расплывчато. Категорию **“что мы можем делать вместе”** не удалось наполнить содержанием, поэтому она у меня отсутствует. Претензии на лидерство России практически не выражаются, как будто перед США Россия “сложила лапки”. Тем не менее, судя по категории **“отношение России к США”**, Америку воспринимают, скорее, положительно, что подтверждает общее позитивное отношение к миру.

Таким образом, можно сказать, что отношение России к миру в представлениях молодых русских в подавляющем большинстве случаев позитивно, но вместе с тем сплошь и рядом пассивно.

Как рассмотренные категории вытекают из центрального феномена? Они все – следствие современного состояния русского народа, который, пережив тяжелые годы, не обозлился, сохранил позитивное отношение к миру, но вместе с тем остается как бы парализованным, лишенным способности к активному действию. В этом можно

убедиться, рассматривая разные аспекты категорий и подкатегорий, парадигм “действие–противодействие”. Этому способствует и контекст, в котором находится наш центральный феномен пассивности – тотальное недоверие к действующей власти, в большем и малом. Даже если отдельные действия властей поддерживаются, они воспринимаются именно как отдельные действия, а не политическая линия в целом. Особенно это относится к внутренней политике.

Остановлюсь на сказанном подробнее. Итак, отдельные внешнеполитические действия властей респондентами поддерживаются. Это видно из анализа подкатегорий *“желание союзничества со всеми”*, *“желание союзничества с Европой”*, *“желание союзничества с США”* на основе ответов респондентов на соответствующие вопросы. Именно поэтому, по-моему, представления о внешней политике отличает большая активность, чем представления о политике внутренней (отношения со странами СНГ я включаю в данном случае во внутреннюю политику, так как непосредственное общение с мигрантами из этих стран делает их субъективно почти неотличимыми от некоторых республик России, северокавказских в частности). Влияние контекста тут велико. Можно представить себе, что если бы доверие респондентов к действиям властей во внутренней, в частности межнациональной, политике возросло, то возросла бы и активность респондентов в этом направлении. (Оговорюсь: хотя я изучаю не действия респондентов, а их представления, но представления непосредственно влияют на действия.) Таким образом, активизация внешней политики в результате изменения контекста (“доверия–недоверия” правительству) может привести к активизации внутренней политики.

Следует отметить, что не только контекст влияет на центральный феномен. В гораздо большей степени центральный феномен влияет на контекст. Атрофирование способности к действию в результате пережитых русским народом катаклизмов привело к недоверию правительству и неспособности определить правительство, которому бы народ доверял. Этот аспект меньше сказывается на внешней политике, которую, как правило, проводят люди, не занимающие выборных должностей, то есть зачастую не публичные, анонимные.

Таким образом, все выделенные явления можно рассматривать как разные, но взаимосвязанные стороны одного общего большого процесса “влияние формирующей роли России во внешнеполитическом взаимодействии на ее внутривнутриполитические сценарии межэтнических отношений”. Все изученные процессы имеют в своей основе (в качестве центрального феномена) *“пассивную доброжелательность”*, а активизация внешней политики (что, судя по интервью, респондентам представляется возможным) может привести к активизации межэтнических отношений через пробуждение общей дееспособности русского народа. Другой вопрос: нужна ли активизация в сфере межнациональных отношений? Не является ли ныне идущий почти пассивный процесс более продуктивным с точки зрения постепенного возвращения к категории *“дружба народов”*?

Теперь коснусь темы влияния категорий и парадигм “действий–взаимодействий” на центральный феномен. Как было сказано выше, пассивность может углубить дружелюбие между народами России, а также народами России и СНГ. Особенно если вспомнить подкатеорию *“неприятие насилия по отношению к государствам СНГ”*, используя которую респонденты часто обращаются к саморефлексии и говорят, что измениться в первую очередь должны сами русские. Невозможно сказать, насколько в нынешнем пассивном состоянии русских эта задача выполнима (предполагаю, пока никак), но важна сама постановка вопроса. Ментальные образы влияют на реальность и сами преобразуют ее. Я не знаю однозначного ответа и на вопрос, полезно ли в настоящий момент восстановление империи? Скорее всего, ответ будет отрицательным. Так что и в данном случае можно говорить о том, что последствия реализации вышеуказанной категории оказывают на центральный феномен положительное влияние.

Желание союзничества тоже укрепляет доброжелательность, хотя пассивность может вести к замедлению позитивных процессов. Особняком стоят отношения с

Америкой, союзничеству с которой действительно противодействует много факторов. Активность на этом направлении не обязательно устранил их, поскольку многое зависит от внешних условий. Пока трудно спрогнозировать и направленность активности самой России: она может быть сориентирована как на усиление дружелюбия с Америкой, так и на усиление конфронтации: опросы не дают достаточного материала для анализа этой проблемы.

* * *

Целью данного исследования, результаты которого были опубликованы в трех статьях, было рассмотрение представлений русских о формирующейся роли России во внешнеполитическом взаимодействии и ее внутривнутриполитических сценариях межэтнических отношений с точки зрения методологии “*Grounded theory*”. Я пришла к выводу, что такое влияние существует, хотя и слабо выражено. Тем не менее оба компонента темы – аспекты одного и того же феномена “пассивной дружелюбности”, и ряд их категорий коррелирует друг с другом. Причем если в сфере внешней политики можно говорить об активизации, хотя и медленной, динамических процессов, то в сфере межнациональных отношений они находятся в состоянии застоя. Мой вывод необязательно отражает всю совокупность разнородной действительности России, но я, изучая представления петербургских респондентов, пришла именно к такому выводу.

Активизация в сфере внешней политики не ведет напрямую, как следует из представлений респондентов, к активизации в сфере формирования моделей межэтнических отношений, чему препятствует контекст, обуславливающий эти два явления – “недоверие к власти”. Однако сдвиг в какой-либо сфере государственного строительства непременно ведет к активизации других его сфер и в том числе формированию сценариев межнациональных отношений.

Основная мысль, к которой я пришла в результате исследования, состоит в следующем: так ли уж плохо, что корреляция двух изучаемых сфер – осознание роли России во внешнеполитическом взаимодействии и формирование внутривнутриполитических сценариев межэтнических отношений – затруднена? Из выделенных на более ранних этапах категорий при аналитическом кодировании получила подкрепление категория, относящаяся к внешней политике, “союзничество” (“основывающееся на союзнических идеалах”). Ей соответствует категория из области межэтнических отношений “распространяющие свою культуру”, а также выделенная при аналитическом кодировании категория “признание за представителями национальных меньшинств возможности быть носителями русской культуры”. При этом категория “воплощающие дружбу народов” трансформировалась в категории “дружелюбие по отношению к народам России”, “дружелюбие по отношению к народам СНГ” и “толерантное отношение к существующим межнациональным отношениям”. Сама же категория “воплощающие дружбу народов” получила более сложную окраску: она одновременно рассматривается и как исчезающая, и как возрождающаяся посредством других категорий, в том числе трех названных выше.

Категория, выделенная при осевом кодировании – “строящие многонациональное государство, основанное на наднациональной идее”, коррелирует с выделенной при аналитическом кодировании категорией “неприятие насилия по отношению к государствам СНГ”, которая указывает на желание собрать бывшие союзные республики в единое целое, а также с категорией “готовность к военной помощи странам СНГ”, но противоречит категории “отказ от имперского строительства”. Выделенная при осевом кодировании категория “живущие в поле воплощения миссии” выпадает при аналитическом кодировании, поскольку при осевом кодировании не был учтен феномен “пассивности”, и все представления, связанные с выполнением миссии, оказались в итоге отнесенными к благим пожеланиям, а не реальным представлениям, так или иначе связанными с установками.

Категория “осуществляющие покровительство” коррелирует с категорией “готовность к военной помощи странам СНГ”, которая была выделена и при осевом, и при

аналитическом кодировании. Категория “живущие с народами, имеющими значение”, выделенная при осевом кодировании, непосредственно коррелирует с категорией “интерес к чужим культурам”, выделенной при аналитическом кодировании.

Таких примеров можно привести множество, но все они имеют единое объяснение. Там, где феномен “**пассивной дружелюбности**” не выглядит столь важным, категории, выделенные как при осевом, так и при аналитическом кодировании, коррелируют между собой. Там же, где важна именно *активность категорий*, те, что выделены при осевом кодировании, становятся менее важными. Следовательно, мой методологический вывод вкратце состоит в следующем: при использовании теории “*Grounded theory*” на российском материале необходимо учитывать феномен пассивности при двух способах кодирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лурье С.В. В поисках новых форм самоидентификации русского городского населения: методология *Grounded theory* в практическом исследовании. Статья 2. Стадия избирательного кодирования // *Общественные науки и современность*. 2014. № 1.

© С. Лурье, 2014